
ОТДЕЛЬ НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ.

РѢЧЬ,

сказанная при погребеніи священника села Стасева, Витебскаго уѣзда, о Андрея Кудравцева.

Дорогой нашъ братъ, о Андрей!

Глубоко опечалила насть грустная вѣсть о твоей кончинѣ. Еще не такъ давно,—ибساцъ назадъ ты былъ здоровъ, привѣтливо принималъ насть, твоихъ сосѣдей—гостей и ласково бесѣдовалъ съ нами за радушной трапезой. А теперь ты лежишь безмолвныи: ясный твой взоръ, веселившій заавшигъ тебя, угасъ навсегда; твой добродушный голосъ, мудро вѣщающій о житейской правдѣ, умолкъ для насть слишкомъ неждано. Еще въ началѣ текущаго лѣта ты съ оживленіемъ рисовалъ предъ взми ской планъ, какъ бы получше переустроить твой бѣдный и налови-стительный храмъ; благо прихода, тебѣ вѣреннаго по волѣ Господней, было главною твою заботою, несмотря на твой старческій возрастъ и слабыхъ силы, а также и семейства важныи вужды. Не могъ ты равнодушно мириться съ неудобствами твоего приходскаго храма, больно было для твоего пастырскаго отзы-чию-доброго сердца видѣть, какъ мало твоихъ духовныхъ дѣ-тей—прихожанъ (крестьянъ) можетъ наслаждаться божественною службою въ большиѣ праздники за тѣснотой въ храмѣ: многіе изъ нихъ волей неволей должны были лишаться этого величай-шаго для христіанина и незамѣниаго утѣшенія—присутствованія на богослуженіи, которое ты всегда совершаешь съ умиленіемъ и глубокою набожностью. Грустно было тебѣ примѣтить, какъ многіе изъ прихожанъ, желая послушать службу Господню и помолиться отъ чистаго сердца въ своемъ храмѣ, въ зимнїй © «Национальная библиотека Беларусь»

ропъ или осеннюю непогоду вынуждены были по праздникамъ только стоять въѣ, за стѣнами церкви, не имѣя возможности за людьми пробиться внутрь храма. Неприятно было тебѣ наблюдать эту прискорбную нужду прихода . . . И что-же въ устраниеніе этого дѣлаешь ты? уже на закатѣ своихъ старческихъ дней, когда и силы у человѣка слабѣ, и энергія менѣше, и съ преградами на пути труднѣе бороться,—ты начинаешь съ особенной настойчивостью хлопотать о храмѣ: въ самое короткое время ты собралъ необходимыя средства; когда же ихъ, при общей бѣдности прихожанъ, не оказалось достаточно на предположенный тобою ремонтъ, ты и надѣ этимъ не остановился, а желая скорѣе довести до конца начатое доброе дѣло,— обращаешься съ ходатайствомъ къ щедрому благотворителю, нашему досточтимому іерею о. Іоанну (Кронштадтскому) Сергиеву. И здѣсь ты не былъ обманутъ въ твоихъ ожиданіяхъ: пожертвованіе крупною суммою было отвѣтено на твое обращеніе. Съ этими средствами ты и приступилъ въ началѣ текущаго лѣта и къ самому дѣлу—капитальному ремонту приходскаго храма: было исходатайствовано разрѣшеніе, составлена смета расхода и приставленъ къ работамъ мастеръ-подрядчикъ. Работы уже начались успѣшно. Оставалось только тебѣ, дорогой о. Андрей, наблюдать надѣ ихъ производствомъ, да радоваться и благодарить Господа, что Онъ помогъ тебѣ, наконецъ, осуществить твое завѣтное желаніе для блага прихода . . . Но, увы! какъ ошибочны расчеты людей: въ самомъ разгарѣ работы, когда уже можно было видѣть и плоды своихъ хлопотъ и трудовъ,—когда главныя части ремонта были хотя и вчера исполнены, ты призываешься волей Всевышняго отсюда,—отъ земли на небо,—переходишь изъ этого міра суеты въ міръ иной, лучшій. Не будешь испытывать непостижимые пути Промысла Божія. Будемъ твердо вѣрить, что Премилосердый Господь все творить къ нашему благу и что „положивъ времена и лѣта во вселенії“ опредѣляетъ въ лучшее для насъ время и конецъ нашей жизни на землѣ. На бо-

ротъ, въ кончинѣ нашего дорогого собрата о. Андрея мы будемъ усматривать знаменіе особенной милости Божией,—что среди неустанныхъ трудовъ и усиленныхъ стараній „въ винограднике Христовомъ“ свою маломъ приходъ сей вѣрный и усердный рабъ-дѣлатель призывается Господомъ, чтобы тамъ, на небѣ, услышать отъ Него всеславчайшее утѣшеніе: „добрый рабъ и вѣрный! надъ малымъ быль еси вѣренъ; надъ многими ти поставлю: види въ радость Господа твоего.“ Въ небольшомъ дѣлѣ, маломъ приходѣ, ты, дорогой о. Андрей, быль вѣренъ Господу и усердно трудолюбивъ даже при старческихъ годахъ на землѣ; за это тебя ожидаетъ великая награда на небѣ.

Хотя и не нуждаешься ты, дорогой о. Андрей, въ нашихъ похвалахъ, но справедливость требуетъ того, чтобы не умолчать наше для нашего назиданія о тѣхъ высокихъ качествахъ твоей доброй души, которая не всѣ могли видѣть, но каковыя, безъ сомнѣнія, украшали тебя. Скромность твоя не позволяла тебѣ и при жизни говорить о себѣ. Въ этихъ случаяхъ ты больше умалчивалъ или говорилъ о другомъ чёмъ; но въ этомъ мы видимъ твое великое достоинство, особенно въ наше тщеславное время, когда люди такъ любятъ о себѣ говорить. Изъ многихъ твоихъ добродѣтелей отмѣчу, какъ болѣе яркую, твою глубочайшую, сознательную и христіански-горячую вѣру, умудрявшую тебя въ жизни и ясно озирывшую все твой пройденный продолжительный жизненный путь. Во всѣхъ испытаніяхъ жизни, во всѣхъ ударахъ судьбы она была для тебя жизнерадостнымъ спутникомъ, ободравшимъ тебя и освѣщающимъ неизвѣстное будущее. Еще за нѣсколько дней до своей кончины, когда ты уже неподвижно лежалъ на одурѣ, ты безбоязненно и спокойно смотрѣлъ въ глаза шедшей къ тебѣ на ветрѣчу неотвратимой смерти, ты не падалъ духомъ, не унывалъ, ты бодро переносилъ ниспосланная тебѣ Всевышнимъ болѣнія и страданія. А такъ спокойно и бестрепетно ждалъ ты свою земную кончину; я совершилъ ^{© Рука Насколько близко къ рус.} поклонъ и близко къ

ти, когда Господу угодно будетъ меня отозватьъ въ твои слова, незадолго до смерти сказанныя мнѣ, твоему духовному сыну. Ничего не боялся ты, твердо ты вѣрилъ въ милосердіе Божіе и терпѣливо переносилъ свои тягчайшія болѣзнины мученія.

Не могу умолчать о тебѣ, о Андрей, и какъ о моемъ духовномъ отцѣ: какъ внимательно и точно ты ставилъ вопросы каявшемуся передъ тобой грѣшнику; какія назидательныя наставленія и мудрые совѣты преподавалъ ты твоимъ духовнымъ чадамъ,—это знаютъ всѣ, у тебя бывшіе на исповѣди. Самъ ты былъ проникнутъ живою вѣрою въ Премилосердаго Бога; эту же вѣру ты убѣдительно вливалъ въ сердца всѣхъ, у тебя исповѣдавшихся.

А что сказать о тебѣ, какъ отцѣ семейства и хозяинѣ дома? Твоя сердечность, твоя доброта, твоя заботливость вполнѣ оцѣнены твоими дѣтьми: это они знаютъ, каждый на себѣ испытавъ всю силу и нѣжность любви твоего родительскаго сердца. Уже одно то, что всѣ твои дѣти получили прекрасное образованіе и воспитаніе и проходятъ благороднѣйшіе роды служенія отечеству—это доказываетъ, какой заботливый ты былъ отецъ для семейства и воспитатель дѣтей. Твоя же овдовѣвшая дочь, вновь нашедшая съ внучкою пріютъ у тебя, только дополняетъ сказанное о твоей добротѣ и сердечности. Любилъ ты дѣтей; ты всѣхъ ихъ лелеялъ; и, всетаки, при всей справедливости твоей радости, ты не любилъ предъ другими хвалиться своими дѣтьми, относя ихъ успѣхъ въ жизни не столько къ нимъ и себѣ, сколько къ попеченію о нихъ Промысла Божія.

Какъ о хозяинѣ въ домѣ, нужно сказать у тебѣ, что посѣщавши твой домъ и близко знакомые съ тобой люди всегда находили о тебя самый радушный пріемъ, а въ твоемъ лицѣ имѣли умнаго, опытнаго собесѣдника. Твой продолжительный жизненный опытъ, богатый разнаго рода правоучительными уроками въ твоихъ любопытныхъ рассказахъ всегда служилъ для

гостей—собеседниковъ наилучший и пріятѣйший удовольствіемъ, какое можно было найти только въ домѣ у тебя, многоопытного старика—іереха.

Наконецъ, нельзя умолчать о тебѣ, дорогой о. Андрей, и какъ о священнике—сельскомъ хозяинѣ. До твоего назначенія село Стасово въ хозяйственномъ отношеніи считалось однимъ изъ худшихъ приходовъ въ нашемъ благочинническомъ округѣ: неплодородная почва полей, нелкія лѣсныя заросли, покрывавшія землю причтовую, и скучный покосъ—заставляли бывшихъ до тебя священниковъ холодно относиться къ хозяйству и даже совершенно забросить его и искать лучшихъ приходовъ. Ты первый, о. Андрей, несмотря на то, что въ преклонныхъ годахъ прибылъ въ это село, усердно занялся обработкой земли и лучшей постановкой хозяйства. И что же? Тамъ, где высевалось въ полѣ хлѣба полмиры, стала сѣять нѣсколько четвертей; где были кустарники и заросли, оказалась плодородная пашня; где былъ скучный покосъ, тамъ ты началъ снимать хорошее и обильное сѣно. Таковы твои труды, какъ хозяина. Зато и жилъ ты лучше другихъ въ семъ приходѣ.

Прости дорогой, о. Андрей, что я, быть можетъ, сказаннымъ о тебѣ нарушилъ твою обычную скромность: твой светлый образъ намъ дорогъ; твоя благородная душа намъ примеръ; твои труды и старанья намъ образецъ.

Молись же за насъ, нашъ усопшій собратъ, тамъ, на небѣ предъ престоломъ Господнімъ, и мы не перестанемъ по братской любви и доброй памяти о тебѣ здѣсь, на землѣ, всегда возносить наши молитвы къ престолу Господню. Мы искренне веримъ, что Премилосердый Господь воздастъ тебѣ за все благое, сдѣланное тобою, въ жизни.

Молитесь же, братіе, дѣти почившаго и вы, прихожане храма, со слезами молитесь; зобызайте десницу вашего незабвенного доброго батюшки; просите у него прощенія вашихъ оскорблений противъ него,—да упоконитъ Господь ^{© ГУ «Национальная библиотека Беларусь»} его душу, да мѣстѣ сїятъ!

и мѣсть злачнѣ, и мѣсть покойнѣ . . . , идѣже нѣсть болѣзнь, ни
печаль, ни вздоханіе, но жизнь безконечная". (Троц. о умерш.).
При жизни онъ молился о васъ, васъ наставлялъ, васъ освящалъ
свв. таинствами, и теперь вы усердно молитесь объ упокояніи со-
святыми душами его.

Миръ праху твоему, дорогой нашъ собратъ отецъ Андрей!

С. Н. Ж.